

Диалог ведут заслуженная артистка РСФСР певица Елена КАМБУРОВА, автор и исполнитель песен драматург Юлий КИМ и корреспондент «ЛГ» Валерий ШАРОВ.

Валерий ШАРОВ. Сейчас, когда в искусстве происходит много интересного (другое дело, насколько это ново, глубоко и т. д.), пора, наверное, повнимательнее взглянуть и на песню. «ЛГ» не раз писала о песенных проблемах, но вот диалога на эту тему у нас не было давно. Итак, как вы считаете, справляется ли песня со своим предназначением?

Елена КАМБУРОВА. Смотря как это понимать — «предназначение». По-моему, оно в том, чтобы делать человека благороднее. Будить в нем «чувства добрые»: сострадание к слабым, гнев против несправедливости.

Но сегодня на нас обрушились полчища — не подберу другого слова — песен с совершенно иными задачами. Да и задачи ли это? Просто расчет на дешевый вкус, на духовную инфантильность. Передаваемая от эпохи к эпохе нравственная эстафета оказалась в значительной мере превращенной. А ведь древнейшее из всех искусств, песня — как бы частица самой природы. И предназначена действовать на нас, как природа: раскрепощать и сознание, и самое светлое, что есть в душе.

Юлий КИМ. Вспомните колыбельную: а-а-а, а-а-а... — ведь это уже песня: и мелодия, и ритм, и слова. Певучее междометие, несущее разнообразную информацию: утешение ребенка, уговаривание, возмужбу... Первый культурный жанр — ритуальные, обрядовые напевы, наконец, молитвы. Это все родилось в народе, а затем трансформировалось в жанр искусства. Он изначально был предельно демократичным, потому и универсальным. Песня адекватно и быстро откликается на тончайшие потребности личного и общественного интереса — и примитивные, и сложные, и радостные, и грустные...

Е. К. К сожалению, и на самые грубые! Ю. К. В этом смысле сегодняшняя песня как культурный жанр, мне кажется, подразделяется на песни низшего, среднего и высшего разрядов, и каждая находит своего слушателя. Чтобы решить сверхзадачу нашего разговора, думаю, не обойтись без краткого исторического экскурса хотя бы в самое обозримое прошлое.

Скажем, в 30-е годы была масса прекрасных песен Исаака Дуневского, которые полностью отвечали тогдашним общественным идеалам. То была попытка выразить их, и быть может, только в этих песнях идеалы социализма и остались по-настоящему чистыми и нетронутыми. Вместе с тем, как мы теперь понимаем, в фальшивом оптимизме тех времен было заложено то, из-за чего песни Дуневского сегодня уже не очень поются — их отторгло время, они перестали быть массовыми.

Иная картина с песнями военного времени — они и сейчас охотно исполняются и слушаются, так как в них отразилось глубокое народное чувство. «Темная ночь», «Эх, дороги», «Соловьи» задевают струны в каждом человеке, потому и не умирают.

В. Ш. Но потом были 50-е — 60-е годы, в которые родился совершенно необычный жанр: самодельная песня — как бы новый виток демократичности, свободомыслия и народного творчества. Это была реакция на что-то?

Е. К. На захлестнувшую всех волну «песенного официоза» — наигранного бодрчества, ложного пафоса, отражавшего политическую, идеологическую раздвоенность той эпохи.

Ю. К. Это в официальной эстраде. Но еще до бардовской песни, вспоминая, очень популярны были в народе какие-то подражания джазовым песням, шли целые серии про ковбоев, про пиратов, возникли и знаменитая «Бригантина», и «Глобус»...

Е. К. Да, да. Тогда же пел и неподражаемый Леонид Утесов — в его творчестве не было фальши, он сумел пронести сквозь все годы искренность, чувство юмора. А вспомните песни Клавдии Шульженко, Георга Отса, Марка Бернеса... В основе была доброта, человечность. Но в целом-то эстрада не удовлетворяла потребности людей. Их захлестнула усталость от несмолкающего официального барабана, они жаждали глотка свежего воздуха. Барабан прорвался даже в лирику. Радиоэфир предлагал нам такое:

Я люблю, но об этом никто не узнает. Я люблю. Наши чувства растут, подрастают. Наши чувства крепки, как степные дубки...

В. Ш. Выходит, самодельная (авторская, бардовская) песня стала истинной альтернативой бездуховности в эстраде?

Ю. К. Не только в песне, но и во всей культурной жизни необходим был перелом. И он произошел в так называемый «оттепельный период» 50-х годов. Сразу наступил расцвет во всех областях творчества и, конечно, в песне. Накатил настоящий девятый вал песенной графомании. Прекрасное явление! И если поэтическая графомания существовала во все века и у всех народов, то песенная — это, думаю, удивительное и неповторимое явление именно нашей культурной жизни. Тот, кто мог, писал и пел, а кто не мог — переписывал в книжечку, чтобы потом тоже спеть у костра или дома в кругу друзей. Это было своеобразное неформальное творческое объединение (песенные неформалы). Оно живет и будет жить, поскольку в этих песнях, несмотря даже на часто слабые стихи или мелодию, есть главное — интонация доверительности, честность в отношении к проблеме...

В. Ш. Каким же путем в то время пошла официальная эстрада?

Е. К. Инерция бодрчества не иссякла. Были, конечно, исключения — например, Майя Кристалинская с ее очень человеческой, я бы сказала, бардовской манерой исполнения (в этом смысле она тоже была своеобразной «предтечей» бардов). И все же... Большинству именно искренности не хватало. И еще — индивидуальности. Индивидуальность окончательно исчезла потом с появлением многочисленных ВИА, хлынувших на эстраду. Да, были и среди них интересные, значительные коллективы, но в целом-то много энергии, мало вкуса. В моду стала входить адовая коллективная истеричность. Из большинства песен ушло «чувство паруса» — дерматовского!

Ю. К. Инерция низкоклубного спроса — могучая вещь. Я вспоминаю сейчас такую милую песенку — «Ландыши, ландыши...».

Е. К. Да ведь сегодня на фоне полной безвкусицы и бездарных текстов она представляется чудесной, искренней!.

В. Ш. Вот мы незаметно и подошли к дню сегодняшнему.

Е. К. Да... Мне все кажется: вот сейчас прибежит сказочный мальчик с криком: «Король-то голый!» Все вроде бы выйдут — голый! — и все молчат... То, что в нынешней эстраде утвердилось в качестве нормы, я назвала бы, извините, воинствующим дебилизмом. Может, духовность вышла из моды? Нет, конечно... Просто, по определению Гессе, общество не умеет найти ей применения. Как-то ехала в такси — радости! — по радио зазвучал рекем Форе. Но водитель — щелк! — тут же переключил на другую волну... Ему казалось — это он сменил музыку, а на самом-то деле мы, общество, в нем самом свершили подмену, обокрали его всей общепринятой системой воспитания, начиная с детского сада.

Ю. К. То, безусловно, издержки нашего общественного развития. Я думаю, мы до конца еще даже и не представляем масштабов заторможенности нашей культуры и колоссальной общественной потребности расширить духовный мир человека.

В. Ш. Отчего же бардовская песня — прекрасный противовес серйине, — так ярко заявившая себя в начале 60-х годов, не овладела умами и сердцами молодежи, не восполнила утрату духовных начал, порождаемую официальной эстрадой?

Ю. К. Убежден, так оно и было бы — не будь последующих «откатов». О, если бы дело освобождения наших душ последовательно продолжалось! Но оно остановилось уже во второй половине 60-х — моментально появились минорные и даже трагические ноты, злым стал юмор (Александр Галич и Владимир Высоцкий), драматичнее и тревожнее зазвучала лирика Булата Окуджавы. Наши социальные явления как в зеркале отразились в бардовской песне. Отразились и в судьбах авторов: Галич, который наиболее прямо говорил о том, что происходит, испил горькую чашу до дна. И Высоцкий, и Окуджава о том же говорили, но больше в подтексте.

Е. К. Тут и авторскую песню успели изрядно помаломать: то откроют, то закроют клубы (КСП), то разрешат фестивали, то они полуподпольно проходят... Я и на себе это испытала: хорошо помню, как в 70-е годы мне с трудом разрешили петь Булата Окуджаву, Юлия Кима. В то же время бесчисленные ВИА, повсюду, свободно распевали абсолютно пустые тексты.

Фото Э. ВЕЛИЩЕ

Ю. К. Это не совсем справедливо, ВИА тоже преследовали, как в свое время стилист или хиппи. Годы четыре назад я услышал в рижском тизе рассказ о высочайшем совещании, на котором какой-то министр с гордостью поведал: «Наконец-то из 140 ВИА у нас осталось только 5.»

Интересно, что он говорит теперь? Все оказалось гораздо сложнее, чем в его директивах. Рок-музыка выразила целое поколение, а может быть, и не одно. Она дала настоящую радость миллионам. И продолжает давать. Наша молодежь черпала что-то очень важное для себя в песнях «Машины времени», «Аквариума», а теперь — многих других известных и неизвестных ансамблей. Для нас именно здесь тот уровень темперамента, который ей свойствен. Ведь и рок — движение — это не что иное, как настоящее море неформальной самодельности песни!

Е. К. И многие рокеры (не те, что на мотоциклах, а те, что на концертах) выросли на бардовской песне. Но если у бардов слово — на ведущем месте, ему «легко дышится», то у рокеров к нему не пробьешься, оно будто в тиски зажато. Уверена, что многие фанатики рока даже не смогут толком объяснить, о чем та или иная песня. Им это и не очень важно: они ходят на концерт, чтобы «кайф заловить». Разве не парад воинствующей бездуховности?

В. Ш. Простите, а когда ночью идет длинной колонной многотысячная масса участников слета КСП с фанелами в руках и песней Булата Окуджавы «Поднявший меч на наш союз» на устах, — как вы это называете? Разве здесь нет той же эйфории единения?

Е. К. Нет, здесь единство духовное, а не физиологическое. Именно духовности не хватает в рок-увлечениях. Пока я, увы, все больше убеждаюсь, что на планете не только экологическая обстановка меняется в худшую сторону, но и духовный климат деградирует. И в этом смысле рок-музыка — не спасение. Ибо в ней отсутствует как извечная связь песни с природой, так и доброта, которая все-таки была и в прошлые эпохи, и в близкие нам времена. Исключения? Разве что песни Андрея Макаревича. Может, еще что-то.

ПЕСНЯ.

жением молодых людей, не скованных никакими рамками, стала своеобразной формой гласности, социального протеста в так называемые застойные годы. Сравнивая нынешнюю ситуацию с 60-ми годами, когда бардовская песня владела большим числом умов и сердец интеллигенции и молодежи, не должны ли мы признать, что рок сильно потеснил ее, отобрал массу приверженцев?

Ю. К. Как сказать. На авторских концертах доводится встречать немало молодых людей. Из них, я знаю, многие и то, и это слушают с одинаковым удовольствием. Мы должны отдавать себе отчет и в том, что бардовская песня все же выражала вкусы, культуру, потребности именно интеллигентского слоя. Пожалуй, только двое «высочили» за его пределы: Владимир Высоцкий, пронизавший буквально все слои, и отчасти Булат Окуджава.

Е. К. Но даже они — я уж не говорю о Юлии Киме, Новелле Матвеевой и других — не могли и не могут конкурировать с «индустриализованной» песней. Почему-то нет у нас такого, как, например, было во Франции — всеохватная популярность

ПЕСНЯ!

шансона. А ведь могло бы быть при хорошей организации дела: я имею в виду тиражирование магнитных пленок, большее внимание со стороны ТВ. И меньше было бы в стране духовно глухих и незрячих!

В. Ш. Вопрос о феноменах. У меня, к примеру, вызывает удивление и недоумение появление такой фигуры, как Александр Розенбаум. Мелодии и тексты этого автора, на мой взгляд, совершенно не выделяются из огромной массы средненьких самодельных песен. Но популярность Розенбаума невероятна!

Е. К. По-моему, Розенбаум просто точно рассчитал свой путь, сделав поначалу ставку на так называемые «блатные песни». К тому же в нашем народе очень развито желание героя, идола...

Ю. К. Секрет огромной популярности Розенбаума заключается, по-моему, вот в чем. Во-первых, в жанре городской песни, в неотразимости ее ритмов и интонаций, так замечательно разработанных Высоцким. Во-вторых, манера — этот мягкий рыдающий баритон, его неоспоримое обаяние...

Е. К. ...интонация разудалой Руси! Широкий жест, разворот плеча, взрыд...

Ю. К. ...и все-таки меня не покидает уверенность, что Розенбаум — явление

бегает чужими песнями, потому что свои у него не получаются.

А ширпотреб был, есть и будет. Это естественно для любого общества. Тут все дело в позиции мастера, чего он хочет. Например, и Пугачева, и Леонтьева в некоторых вещах безусловно впереди своей публики, но в большинстве случаев все-таки идут след за ней.

В. Ш. В последнее время много приходится слышать о возникновении нового, некоего «третьего направления» в нашем песенном и музыкальном искусстве. Вы оба, насколько я знаю, имеете к нему непосредственное отношение. Что это такое?

Ю. К. Следует иначе задавать вопрос: «Не что это такое?» Это не ширпотребная эстрада, но это и не филармоническая классика. Это третье. Сюда входят кино- и театральные работы Владимира Дашкевича, Геннадия Гладкова, все творчество Александра Галича, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого... Нет, правда, проще говорить, кто сюда не вписывается. Вот недавно был концерт в Союзе композиторов, выступал Александр Градский, и я сразу понял, что это не то. Затем исполнилась какая-то авангардистская вещь — и тоже мимо...

Е. К. «Третье направление» — это, я бы сказала, неформальная эстрада, рассчитанная на интеллигентного слушателя и зрителя.

Ю. К. В рамках «третьего направления» недавно возник и существует московский театр с таким же названием. Первый спектакль — «Не покидай меня, весна» — показал, как хорошо уживаются вместе драматическое действие и песни. Второй опыт театра — спектакль «Когда я вернусь» по песням Александра Аркадьевича Галича. Трагизм нашей истории, переданный в песнях Галича, зазвучал с дополнительной силой и глубиной.

В. Ш. Насильно я понимаю, «третье направление» — это попытка создать новую эпоху, новую альтернативу бездуховности эстрады. Каков прогноз этого замысла?

Ю. К. У меня такое ощущение, что мы подошли к порогу какого-то нового слова в песне. И опять-таки не только в песне. Возможно, мы стоим на пороге потрясающего раскрепощения во всех сферах культурного бытия — театра, живописи, музыки, поэзии и т. д. Но новое слово еще не прозвучало.

Е. К. Это произойдет, когда наше общество духовно окрепнет и станет свободнее. Тогда все случайное сгинет. И взойдут новые, а вообще-то старые как мир, уцелевшие в людях ростки души. Самые невероятные вещи станут тогда возможными!.

Ю. К. Проводишь ли ты, Лена, границу, которую совершенно четко видят все рокеры: с одной стороны, для них София Ротару, Алла Пугачева, Валерий Леонтьев и другие — они их называют «совки» и на дух не переносят, а с другой — их рок-культура?

Е. К. Что ж, при всем опасливом отношении к рокерам в чем-то они для меня — откровение. У некоторых авторов есть искренность, есть и социальный протест, противостояние тому поколению, которое, по их мнению, не должно было молчать...

Что касается Леонтьева, то я считаю, что он очень большой трудяга. Но так неразборчив в текстах! Он все время хочет быть в струе времени. Но в вечности быть интереснее! Он, по-моему, был бы на своем месте, если бы работал в жанре шансона. Шансон — на все времена.

Но в целом, на мой взгляд, и те, и другие (и рокеры, и эстрадники) как бы сняли с себя ответственность за нравственную сторону своих выступлений, искусственно понизив шкалу ценностей.

Ю. К. Песня — такой жанр искусства, где музыка и слова находятся в неординарной зависимости. Она может быть шедевром даже без никакой стихотворной основы (колыбельная песня), и я могу представить целый ряд наших и не только наших рокеров, пением которых можно наслаждаться, почти ничего не понимая в словах. Нет, я не отказываю им в будущем. Возможно, подобно тому, как огромная масса авторских песен, канув в небытие, дала-таки плеяду интересных авторов, так и рокеры сейчас переживают свой период музыкальной песенной графомании, которая выдвинет вскоре что-то высококлассное из их рядов...

В. Ш. Это мнение, которое не часто услышишь от людей старшего поколения. Мне кажется, большинство из них смешивают два явления. С одной стороны, халтура, нитч, которые навязчиво лезут с экранов, эстрады и подаются как рок-музыка. С другой — громадная стихия рока, идущая снизу. Та самая, что возникла сначала на Западе и получила там название «Under ground» — нечто вроде социальной оппозиции, реагирующей на уродства общества. Со временем она стала и у нас массовым стихийным дви-